

Судань, 19 ¹⁷/_{II} 28 г. (44/40)
25

Дорогие папа и мама!

Так уже случилось, что приходится мне отвечать сразу на два ваших письма: от 17-I и от 25-I. Последнее - денежное. Спасибо, дорогие мои, прежде всего - за деньги. Но мне не нравится, что вы не выдерживаете месяца от одной присылки денег до другой: тожь день-два, а укорачиваете. Не надо. Вы понимаете, как скрипит сердце от этих денежных похруст (не буду больше об этом говорить, я только так, к слову), но тожь - вы не утешайте их.

А теперь отвечу на оба письма.

Мое руководство, мама, о том, как надо вдевать шерстинку в иголку, я, конечно, понял, а Лева, конечно, не понял, - все, значит, в порядке. Но ты ведь давала это наставление венок, на тот случай, когда мне иший-дезз потиняеь что-нибудь шерстяное? Пока все цело, слава Аллаху. А здорово вы меня рассманили историей с варежками: так-таки и не знали, с чем это едят? Ай-я-яй! Позор на мои седины! Дофрен, однако сознаюсь, что и я не так давно раскусил это северное слово, ведь у нас на юге его не услышишь.

Уасеч "рукошесна" вы ссаниваете? Да, не делаю почти ничего. И трудно, и не хочется последнее время. Вечно, весной отяг. Возмущен. Только вот, на днях сделал себе еще одну трубку. Первая - то моя из хлеба, так она не может обкуриться, - в ней нет пор. А на какой чорт трубка, вечно-исотренная? Все равно, что зрелка - вечно находящаяся в отсуствии. Так вот, сейчас я сделал трубку из дерева, буду ее обкуривать. Беда, табаку нет хорошего из нашего высшего, но "по священнику и уикод": какая трубка, такой табак. Ну, дорогие, ваши поздравления ко дню рождения - принял, спасибо. И точка. Да, а Катенькину фотопластинку тоже получил и с огромным удовольствием сморрел на нее, на милую Катеньку. Я-же так помню лето и осень 1925 года, а потом и зиму 1926-го, и довольно вступил в годовое воспоминаний из этого времени, и так много места занимают в этих воспоминаниях Катенькина кошачья, и сама тетя Катя, и все то, что вокруг нее было, и что мне видно и слышно было, - да, что говорить. Говорить-то и нечего, - все это хорошо знает каждый, кому было сначала 22 года, а потом стало 23 и 24, да. А кошку больше было, - так и тог отянезз казал с тем-же чувством, когда стало немножко еще больше. Что-же философствовало? —

Большин поклон и сообщение об от'езде - меня чрезвычайно, ну, очень, обрадовали. Вй богу, ей пора было! От души поздравле, пофайциса, ее маму и ее самое. И передайте ей мой привет, горячий привет, и пожелания замечательнейшей бодрости и здоровья. —

Что касается Миры и Мии, и ожидаемого увеличения их "двухданный"

смысла, иерархий, пока неопределенной (но безусловно намеренной) восточной — то и ии предвещивающее поздравление отко. Но я предлагаю отменить слово „наследник“, орудуют „наследника“ и др. Ну, скажете, сами — разве подруги „этой, отжившей свой мелко-буржуазный век, тирин: в смысле, мол, орудуют наследника. Ага, ты, со мной согласишься? Уи мы, ни у нас — никакие наследники, потому что „пролетариат нечего гнуть кроме своих цепочек от часов“, как, кажется (или не совсем так?) сказала Маркс и Энгельс в „Манифесте“. А следовательно, — нечего „наследовать“. Как видите, я сейчас настраиваю отнюдь скептически и всё философски. Винового, очевидно, легкое утомительное недомогание, — я себе устрою из подсолнечного масла, кислого огурца и лука, роскошным пиром, и теперь немножко растапливаю, г. К. Завуше всё это кислицы манокан. Дарю мой дубовый фелудок воишуршася. — Теперь, дорогие мои, некое о музыке. Ну знаете, мама, твое поздравление описание отрыва профессора меня чрезвычайно разволновало, — вот ~~я~~ знаю, почему. Видно, всё это гораздо больше ценилось и меня, в душе за какой-то кусочек чуждой ткани, больше, чем я сам предполагал. Но существующее я чрезвычайно благодарен вам за это серьезное отношение ~~не~~ к неслыханным нестоящим вещам. А что они даже в рамках первого опыта не очень суть — иже, — это я знаю и раньше, а теперь вижу и подтверждаю в отрыве. Но не думайте, что я читал совершенно отрывочные сурдине профессора консерватории. Нет, совсем наоборот. Вы знаете, я орудую чужими чуждыми: „бросать надо эти чуждость, в которых ничего не видно, и заканчивая лучше тем, чем кардовый ученик догрит заканчивая“. Если вторая часть этого отрыва и кажется, как и полагается всякой профессорской сенсационности, то первая — вне всякого моего орудования, — заменена благодарственною сурдинкой отрывкой, не убивающей драматического ученика канонам. Вот этому то я и рад, вот это и заставляет меня разволноваться. — Но и смех-то получается, когда профессор совершает „примечательную ошибку иири“. Прикалываем!... Но все отключая и к предвещанию, „добы“ и аккомпанименту и оркестровку написал сам автор, — да ведь автор. Понимаете не знает, что это такое карикатура? С тем же едят, если вообще она сгодится? И так далее, и т.д. и т.п. Я понимаю, дело профессора объективно описывается к предвещивающему ученическому опыту, консервируя все достоинства и недостатки, и давая руководящую нить дальнейшей работы. Это так, но — „Мини от этого ни лечит“, как сказал бедный сурдинчик, проща, мажор о том, что „сидимые — не позор, а несчастье“. Совершенно верно, позор музыкальный безразличность не позор, а несчастье, — но это слабое утешение.

Примечание я с чрезвычайным удовольствием пройду, если только это физически окажется возможным (в смысле, откровенно и инстинктивно). Может быть, если усвою ее, мне удастся с большей легкостью перенести на котину бумагу то, что берется в изрядном количестве в голове, но что по перенесении на бумагу оказывается неукладемо-уплощенным и уплощенным. Может быть. Пока что не будем забывать вышесказанное. — Дорогие мои, я получил еврейские книги из Архангела. Эта мамла Соня, потратила больше 5 рублей, и мне страшно жаль этого. Но книжки — чудесные: Моисей-Амелевич („Менакан-Менди“ и роман „Блуждающие звезды“), Терез-израильские вещи, Бергмансон, Канникс — вобщем семь книг. Я уже прочел „Менакан-Менди“. Что вам скажу? Читал и умилялся — а, умилялся и читал, — и если бы можно было запомнить карикатуры, — я бы сделал это с огромной любовью. Лева скоро тоже начнет читать эти книжки. — Что касается чтения вообще, — оно текет. Сейчас я из „серьезного“ читаю первую часть III-го тома „Капитала“, да еще Розу Люксембург „Накопление капитала“. Правда, некоторый период времени попадаюсь, когда Буржуазного читаю, — ну, тогда я беру за более легкие вещи. Вот, например, есть у меня сейчас книжка одного турецкого джанде, о Консантинополе: полу-научное полу-художественное описание архитектурных сцен со времен Византии до наших дней. А мне это интересно. Слышав, в журнале „Анкара“ (изд. историч. общества Академии Наук) читаю статью о каком-то раббе Венгрии, преемственнике по Воскресению в XII-м столетии — а? „Новинка“. Там-то есть и статьи об Англии и Турции, — меня это тоже интересует. Так вот и получается разное. Да, выписал я из Акс. Общ. „Международная Книга“ каталога: „Книжные иносказательные новинки“. Может быть, начну на что-нибудь подглядывать по французской части. А пока читаю Момсена, а решу взять Юлиана „Далма с Калемидисом“. Да, кстати, — ваш словарь я переписал, — пушай чужие и развиваю. Лева читает, чтобы я и его маленький словарь переписал; подумано, может быть и решу сделать это доброе дело, — всё таки — ф. родоверный он мне (не словарь, ясно, а Лева). — Те книжки, которые вы нам собрали, мы будем читать с большим удовольствием. Пока мы их еще не получили. (Собираюсь, потому что я знаю, что читать их будем с удовольствием?.. Но так уже усложненно сыновнее сердце: умилялись мне сейчас из души старую пуровицу, и я на нее буду сибирью).

с умилением: шутка, — пуровица из дому!)

О здоровье своем и прочее — пишу нечего. Я его, конечно здоровая, — вовсе не замечаю и внаплавки моего он не умеет. Вываю, — и это, по моему, самая лучшая, самая возмужатых отношений человека к его "физике". Моей натуре угрозило всякое маженье ногон, порошки, полосканы, и молококаная, гризиданы и втиранны. Но моему, один вид порошков способен вызвать у человека истинную болезнь, а ног чрезвычайно способствует незаживанию всякой пустячной ранки, непосредственно превращая ее в рак или в какое другое неслыханное усложнение. Если бы я все ранки получаемые мной при работе ковром по дереву, мадам ногон, заваривала, томила и ухаживала, как делает то Лева, — я бы и не я, а сплошной рак (не рекомендуюсь эту катаркристику удлиняя никакими двумя буквами, как бы соблазнительно это и не было). А если я что и делала по этой части, то больше от скуки.

Погоды стоят переменчивые: то в жар, то в холод прося. Но исходя из того, что сейчас 17ое февраля, можно ожидать в ближайшем будущем наступления марта, а в дальнейшем тем даче и апреля. Так, по крайней мере, делалось до сих пор, — и теперь.

Лева просит написать, что ему крайне необходимо мамин и папин решение купить те две книжки — русскую и немецкую — на деньги сданных тех, которые вы присылали ему в его дом. Этого никаким образом не надо делать, т.к. при этом условии он безусловно не напишет больше ни одного названия книги: ведь в случае уменьшения вашей доли на 1 рубль и 2 рубля, он может увеличить ее у Оды, которая тоже равняется книжки, и в месяц присылки ему от вас сама вышлет не книги, а деньги. Мама совершенно справедливо полагает, что столько читать, — нагрузка большая. Верно. Но не забудь, что "Оди беденька и это руководство", а мамин совет — высшего чина замечательной — либо ручной работой вполне напоминает совет врача (в стихотворении Гейне), указавшего беднякам, что в морозы следует тепло одеваться. Но помню этого, дело в том, что Лева, ведь, не любит никакой физической работы. А если заставить его делать ее, то лучше уже заставить себя читать. Если в обоих случаях я выйду "отрадаженным" субъектом, а именно по ее утомлению вредно в первую голову. Мама напрасно тревожится из-за его здоровья: у него кислый какаш, и при этом сода показана.

Ну, конечно (за текст я не ответственен).

От себя — и от него — крепко целую все. Привет родителям. Будьте здоровы и благополучны. Вам Валя